

Минск

Последнее интервью

В последний раз читатели «Советской Белоруссии» встречались с В. Пикунем ровно три года назад — в сентябре 87-го. В том году в одном из номеров «Нового мира» были опубликованы «Десять сюжетов» известного писателя — серия коротких исторических новелл. Эта публикация и навела сотрудников нашей газеты на мысль обратиться к Валентину Саввичу с вопросом: нет ли на его писательском столе «сюжетов», связанных с историческими событиями, происходившими на территории Белоруссии? Конечно, мы знали, как немилосердно загружает писателя себя работой, и почти не надеялись, что он откликнется на наше письмо. Но буквально в течение недели в редакцию пришел пакет из Риги — с новой, еще нигде не публиковавшейся новеллой. Вскоре это произведение — «Нептун с Березины» — было напечатано в «Советской Белоруссии». В новелле освещались некоторые события из жизни адмирала Василия Яковлевича Чичагова — человека, которого современники обвиняли в том, что он не сумел плениить на землях Минщины Наполеона Бонапарта в ноябре 1812 года.

К сожалению, ныне не столь уж часто известные литераторы удостоиваются таким вот вниманием редакции «нецентральных» газет.

Недавно Валентина Саввича не стало. Незадолго до его смерти с ним встретился журналист В. Рубцов. У писателя оказалось редкое «окно» в работе. Он был в хорошем настроении, с интересом рассказывал о своей жизни. Материал, подготовленный журналистом, В. Пикун успел завизировать. Сегодня мы предлагаем это интервью вашему вниманию.

— Валентин Саввич, довольны ли вы своей судьбой? И как вы сейчас, в зрелые годы, относитесь к своей профессии?

— Мне за шестьдесят. И этим многое сказано... Есть люди, которые мечтают поскорее достичь пенсионного возраста, «к черту послать работу» — этим и живут... Но я знаю твердо одно: у нашего брата, писателя, не может быть права на пенсию, на профессиональную старость. Самое лучшее и честное для нас — умереть за рабочим столом.

— Я живу по соседству. Но за многие годы лишь три-четыре раза видел вас на улице. Как вы работаете?

— По ночам. За письменный стол сажусь сразу же после программы «Время» и пишу до семи утра. Эта привычка с молодых лет, когда жил в «коммуналке», — там тишина была только ночью... Так вот и тружусь «в ночную смену» — уже более тридцати лет.

— Что вас как гражданина волнует больше всего в нашем обществе?

— Революция уничтожила дворянство как сословие. Но в последующие десятилетия у нас образовалось некое новое сословие, которое лучше всего назвать паразитическим. Появились целые династии бездельников — бюрократов, живущих за счет народа. Многие самодовольные отцы и матери всю жизнь начальствовали, сидя в отдельных кабинетах. И их дети, внуки, глядя на родителей, уже не мыслили своей жизни вне «элиты общества». Такие лоботрясы смолоду искали, где бы полегче, где бы понаваристей, где бы им побольше получать и поменьше делать. Второе и третье поколения махровых чиновников уже вовсе не ведали, что такое честь, гражданская доблесть, ответственность перед обществом... Впрочем, паразитизм многолик и всеяден. Бывает, он приобретает власть и над прежде трудолюбивыми, честными людьми.

— В чем вы испытываете сейчас особую необходимость?

— Во времени. Если бы время, как товар, продавалось в магазинах, я бы не пожалел никаких денег, лишь бы иметь его достаточный запас для работы.

— У нас часто поднимается вопрос об использовании так называемого «свободного времени»...

— Простите, но кем? Что это за люди, которые не способны устроить свой досуг, а то и дело просят научить их правильно отдыхать? И вообще, откуда берутся люди, обладающие «свободным временем»? Мне все это кажется дикой нелепостью.

— Однако социологи говорят о необходимости в жизни

то, что думаешь, — и враги появятся даже там, где ты их никак не ожидал, а критики станут бросаться из каждой подворотни, чтобы порвать на тебе последние штаны.

— Вы, я вижу, плохо относитесь к критике!

— Беда и в том, что в критике у нас многое зачастую решает не честное мнение самого критика, а вопрос «групповщины». И писатели нередко думают не о том, чтобы угодить читателю, а желают лишь угодить критикам — чтобы те их не ругали.

— С чем бы вы сейчас могли сравнить свою работу?

— Только с каторгой. Ведь день за днем, без воскресений, без праздников, без отдыха, словно проклятый, пишешь роман за романом, словно катишь тачку за тачкой, и амнистии не предвидится!

— Ну, а зачем вам такая жизнь?

— Сам не знаю. В ней все,

перед советским человеком». Да в том-то и дело, что не все! Мало ли у нас людей, идущих по утрам на работу с перекошенной физиономией, словно они получили повестку явиться к судебному следователю. Идет такой человек в контору, ненавидя контору, тащится на завод, ненавидя этот завод. Вот если бы все любили свое дело! Главное — найти свою верную тропу.

— А почему вы избрали литературный путь?

— Просто мне в юности попала одна бездарная книга, и я решил, что способен писать лучше. К тому же мне деваться было некуда, все дороги в будущее для меня были перекрыты бюрократическими шлагбаумами.

— Объясните, каким образом?

— У меня пять классов образования и... война! Хотел после войны стать машинистом паровоза — не берут на кур-

только современность актуальна для читателя. Часто ведь «большое видится на расстоянии». Вот сейчас (пожалуй, только сейчас) стало созреть время для написания сущей правды о минувшей войне. Отнюдь не подумайте, что я враг новейшей литературы. Но я всегда останусь врагом тех книг, в которых, кроме современных идей, больше ничего нету. Одна лишь тягостная жвачка.

— Вы получаете много писем читателей. Что в них самое примечательное?

— Желание лучше знать историю. Без этого люди не могут называть себя патриотами. У нас историю часто понимают как нечто навсегда минувшее, ушедшее в небытие. А ведь история — это не то, что было и прошло. Это — неразрывная связь времени, единая цель, где важно каждое звено, в том числе и день сегодняшний. Хорошо, конечно, если история живет в книгах. Но главное ее место — в сердцах и помыслах людей.

Скажу о себе. Я вроде бы неплохо воевал, как и все североморцы, готов был отдать жизнь за Родину. Но по-настоящему познавать и узнавать свое Отечество начал лишь позже — тогда, когда стал изучать историю. Слово вдруг обнаружил те корни, которые меня питают... Патриотизм держится на глубоком знании своей Родины — знании самом всеобъемлющем. Одного лишь умения березкой, кустом черемухи на родном берегу человеку мало. Мы должны смотреть на свою Отчизну широко, объемно — в пространстве и во времени.

— Но этому непросто научиться...

— Да. Тут предстоит усердно поработать. Надо, к примеру, с детства знакомить каждого человека с историей, воспитывать осознанный патриотизм. Детям нужны «Мойдыры», «Дяди Степы». Но еще более необходимы живые, интересно написанные книги и учебники по истории. С ранних лет они должны знать о великих деяниях соотечественников.

Уверен и в том, что в стране надо издавать многомиллионным тиражом исторический журнал, помещая туда разного рода статьи, воспоминания, заметки бывалых людей и т. д. Материалов хватит на полвека. Этот журнал обязательно должен быть хорошо иллюстрирован. Цены не было бы таково изданию. Люди ставили бы на полку номер за номером, год за годом. Завещали бы детям, внукам. Так история входила бы в каждое сердце...

— Что бы вы пожелали нашим читателям?

— Пожелание мое будет, может быть, неожиданным. Желаю, прежде всего, беречь наших жен. У нас почему-то так принято, чтобы лучший кусок отдавали детям, потом мужу. Это неверно! Лучший кусок должен доставаться жене, а уж затем и детям. Что останется, пусть доедает мужчина. В наше трудное и сложное время, по-моему, уже не мужчина, а именно женщина — сердцевина всей семьи. Если мужчина заболевает — это еще ничего, дом не пошатнется. Но когда заболевает жена, тогда весь дом рухнет. Дети торчат в подворотнях, где ничему хорошему не научишься, а мужчина не знает, куда деть себя, тащится к приятелям... Будем же беречь женщину, которая бережет всех нас!

Нашедший свою тропу

свободного времени...

— Наши социологи много говорят дельного, но иногда мы слышим от них и немало глупостей. Так, например, они вывели положение, будто искусством могут заниматься все, у кого есть избыток свободного времени. Увы, тунеядцев у нас развелось достаточно, но что-то не видать плодов их творчества. Напротив, у тех, кто посвятил себя служению искусству, свободного времени никогда не будет, ибо вся жизнь художника заполнена трудом без остатка.

— Это и ваша жизнь. Как сегодня ваше настроение?

— На подобные вопросы в царском флоте было принято отвечать: «Ничего. Спасибо. Паршиво». Я вижу, что колеса крутятся, а скорость — не та. Больше стало гласности, но она недостаточно влияет на нравственность. В частности, потому, что гласностью пользуются не только умные и требовательные к себе люди. Заранее уверен, что эти мои слова не всем придутся по вкусу. Но со мною всегда так было, так и будет: кому-то я нравлюсь, а другие произносят мое имя с зубным скрежетом.

— Как вы думаете, почему так?

— А вы почитайте книгу Уистлера «Изящное искусство наживать себе врагов». В ней четко сказано: будь самим собой, не изменяй своим принципам, никогда не притворяйся, не подхалимай, оставайся честным, говори только

наверное, по русской пословице: «Взялся за гуж, не говори, что не дюж». А потом, не скрою, я ведь слишком честолюбив: для меня труд — это дело чести.

— Поговорим подробнее на тему труда!

— Хорошо. Но я начну с лени-матушки. Кто она такая и как с нею бороться? Один не желает работать — палкой не заставишь, другой тоже не хочет, а — работает. В чем тут секрет — сам не пойму. Наверное, в совести... Вы не думайте, что писать романы — это большое удовольствие. Совсем нет! Но иногда я задаюсь одним каверзным вопросом: почему дворяне-писатели, имевшие усадьбы и крепостных, оставляли после себя двадцать-тридцать томов сочинений, а мы, дети крестьян и пролетариев, побочных доходов не имеющие, едва-едва сколотим на старости пять жалких томиков?

— А вот у вас сколько томов наберется!

— Более двадцати. Но я считаю, что сделал мало, хотя жена и называет меня «трудолюбом». Между тем я заставляю себя работать. Даже когда не хочется или не хочется.

— А как же с творческим вдохновением!

— Я его знать не знаю, ведь не ведаю. И ненавижу затасканное выражение «вдохновенный творческий труд миллионов». Помилуйте, я вот писатель, а вдохновение мне и не снилось. О нем ли говорить, если я, даже больной, силою воли принуждаю себя работать? Где уж тут говорить о вдохновении миллионов! Да и нужно ли оно, чтобы, скажем, копать картошку на огороде или укладывать шпалы?

Беда в том, что у нас с детства внушали людям вредные мысли о «радости вдохновенного труда». А надо бы говорить детям иначе: если хочешь иметь в жизни честный кусок хлеба, так будь любезен...

— Значит, любой труд вы считаете святой обязанностью!

— Только так, и не иначе. Пора отказаться от шаблонной фразы: «Все дороги открыты

сы, ибо требуется восемь классов школы. Хотел прыгать с парашютом — тоже отказ, сначала покажи аттестат зрелости. Хотел стать чтецом-декламатором — опять никому не нужен. Вот так и везде: в какую дверь ни постучусь, всюду хотят видеть не меня, а бумажку. Тогда я обзавелся и стал писать романы, ибо в Союз писателей принимают всех, а бумажка нужна лишь одна — твоя книга.

— Что вы уважаете в людях больше всего!

— Прилежание в работе. У меня в молодости был большой друг Леонид Иванович Родионов, заменивший мне родного отца. Это был потомственный питерский пролетарий. Именно от него я перенял навыки к постоянному и добросовестному труду. Он был мастер — оптик высокого класса. Помню, когда на ленинградском заводе ГОМЗа налаживали цейссовскую аппаратуру, возникли трудности в ее пуске, сроки намеченных «рекордов» срывались. Из Москвы приехала комиссия с угрозами, время было жесткое, сталинское, могли и за решетку упрятать. Но Леонид Иванович сказал: «Я не умею делать плохо, а могу делать только хорошо. Потому катитесь подальше со своими рекордами. Когда сделаю хорошо, тогда и сдам работу».

Такая вот честность рабочего человека мне всегда нравилась. И я даже не удивился, когда недавно узнал, что в современной Японии рабочий не стыдится остановить весь конвейер, если чувствует, что высокий темп может привести к браку в его работе. Поэтому я не признаю всех этих «знаков качества», которые у нас раздвигались направо и налево, не понимаю и бабабанного боя при вручении Красных знамен... Кстати, вспомнил: Леонид Иванович еще до войны имел орден «Знак Почета», но никогда не носил его, считая, что нельзя награждать человека только за то, что он хорошо работал.

— Почему вы не пишете о современности!

— А я не верю в то, что